

А

Н. А. Добролюбов

"Губернские очерки"

(*"Из записок отставного надворного советника Щедрина. Собрал и издал М. Е. Салтыков. Том третий. М., 1857"*)

Н. А. Добролюбов. Русские классики. *Избранные литературно-критические статьи.*

Издание подготовил Ю. Г. Оксман.

Серия "Литературные памятники"

OCR Бычков М. Н.

Прошел с небольшим год с тех пор, как первые "Очерки" г. Щедрина появились в "Русском вестнике" и встречены были восторженным одобрением всей русской публики. До настоящей минуты г. Щедрин не сходит с своей арены и продолжает свою благородную борьбу, не обнаруживая ни малейшего истощения сил. Он печатает рассказ за рассказом, постоянно показывая в них, как велик запас его средств, как неисощим источник его наблюдений. Мало того: к нему постоянно присоединяются новые бойцы, и даже те, которые молчали до сих пор и прятались в толпе беспечных зрителей, - и те, смотря на него и "вящим жаром возгоря", отважно ринулись на поле бескровной битвы со всемогущим оружием слова. Публика все еще с любопытством следит за зрелищем этих подвигов, а рассказы в *щедринском роде* прежде всего прочитываются в журналах. Но нельзя не видеть, что теперь нет уже ни в публике, ни в литературе прежнего увлечения, прежней горячности и что многие донашивают теперь сочувствие к общественным вопросам, как старомодное платье. Кто начал читать русские журналы только с нынешнего года и не имеет понятия о том, что было у нас два года тому назад, тот потерял несколько прекраснейших минут жизни. Странно говорить об этом времени как о давно прошедшем; но тем не менее нельзя сомневаться в том, что оно прошло и что не скоро русская литература дождетсЯ опять такой же поры. Мы вообще как-то очень скоро и внезапно вырастаем, пресыщаемся, впадаем в разочарование, не успевши даже хорошенько очароваться. Растем мы скоро, истинно по-богатырски, не по дням, а по часам, но, выросши, не знаем, что делать с своим ростом. Нам внезапно делается тесно и душно, потому что в нас образуются всё широкие натуры, а мир-то наш узок и низок, - развернуться негде, выпрямиться во весь рост невозможно. И сидим мы, съезжившись и сгорбившись "под бременем познания и сомненья" ¹ в совершенном бездействии, пока не расшевелит нас что-нибудь уже слишком чрезвычайное. Один из ученых профессоров наших, разбирая народную русскую литературу, с удивительной прозорливостью сравнил русский народ с Ильей Муромцем, который сидел сиднем тридцать лет и потом вдруг, только выпивши чару пива крепкого от калик переходящих, ощутил в себе силы богатырские и пошел совершать дивные подвиги. В самом деле, вся наша история отличается какой-то порывистостью: вдруг образовалось у нас государство, вдруг водворилось христианство, скоропостижно перевернули мы вверх дном весь старый быт свой, мгновенно догнали Европу и даже перегнали ее: теперь уж начинаем ее поборывать, стараясь сочинить русское воззрение... Так было в большом, то же происходило и в малом: рванемся мы вдруг к чему-нибудь, да потом и сядем опять, и сидим, точно Илья Муромец, с полным равнодушием ко всему, что делается на белом свете. Два года тому назад нас расшевелила война, заставивши убедиться в могуществе европейского образования и в наших слабостях. Мы как будто после сна очнулись, раскрыли глаза на свой домашний и общественный быт и догадались, что нам кое-чего недостает. Едва эта догадка озарила наш ум, как мы, с редкою добросовестностью и искренностью, принялись раскрывать "наши общественные раны" ². Теперь многие уже начинают смеяться над этим, и скептики, уверявшие с самого начала, что все это -

Тяжелый бред, души больной,

Иль пленной мысли раздраженье ³, -

теперь злобно торжествуют, иронически поглядывая на взрослых детей, всегда склонных к увлечению и видящих все в розовом свете. Но как хотите, а над ними нечего смеяться: в их увлечении было так много прекрасного, благородного, так много юности и свежести. Любо смотреть было, в самом деле, на общее одушевление: самый робкий, самый угрюмый человек не мог, кажется, не увлечься, видя, как все единодушно и неумоимо хлопотали о том, чтобы раскрыть "наши общественные раны", показать наши недостатки во всех возможных отношениях. Каких тогда вопросов не подняли, до каких закоулков не добрались!... "От Перми до Тавриды" ⁴ пронесся один громкий энергический возглас: идите все, кто